

Глядя вслед уходящему мужчине, Чжун Ли не выдержал. Он выскочил из кустов и, указывая пальцем в темноту, воскликнул:

— Мы так просто его отпустим? Даже не погонимся?

— Куда он денется, — покачал головой Хуа Тянь.

Он не спешил бросаться в погоню за незнакомцем в чёрном. Вместо этого он подошёл к телу Юй Цинцюаня и коснулся его шеи — тот уже совсем остыл.

Хуа Тянь вместе с Чжун Ли закопали покойника, положив в могилу и его нищенскую чашку с горстью монет. Разгребая комья сырой земли, Хуа Тянь негромко приговаривал, обращаясь к мертвецу:

— Спи спокойно. Как вернёмся в Подземное царство, я лично подберу тебе перерождение получше.

— Господин, вы такой великодушный, — растроганно вздохнул Чжун Ли.

Хуа Тянь уже приготовился самодовольно ухмыльнуться, но Лань Цзыцзюнь тут же перебил его:

— Это не великодушие. Это обыкновенное размазывание соплей.

— Ну конечно! Куда уж мне, нерешительному слабаку, до вашей непреклонности, брат Цзыцзюнь, — ядовито парировал Хуа Тянь.

Цзыцзюнь насупился и молча отвернулся, всем видом показывая, что говорить с этим невыносимым типом больше не намерен. Чжун Ли, почуяв, что пахнет грозой, поспешил вклиниться между ними:

— Давайте вернёмся в Красный терем. Там и решим, что делать дальше.

Глубокая ночь дышала прохладой. Ветер разогнал облака, и холодный лунный свет залил холмы, вычерчивая длинные, колеблющиеся тени путников на траве. В полном молчании они добрались до Красного терема.

У Хуа Тяня уже созрел план.

— Завтра утром наведемся на пристань. Расспросим нашего музыканта.

— А если его там не окажется? — засомневался Чжун Ли. — Он ведь только что совершил преступление. Вряд ли завтра у него будет настроение играть на флейте посреди реки.

Хуа Тянь понимающе усмехнулся и покачал головой:

— Видел, как спокойно он держался? Для него это не впервой. Уверен, он уже столько душ извлёк, что давно сбился со счёта. Обычное дело.

Чжун Ли немного подумал и неохотно согласился. Хуа Тянь продолжил:

— К тому же, тот лодочник говорил, что чернокнижник торчит на воде каждый день. В Юйяо его наверняка каждая собака знает. Даже если он затаится, расспросим местных. Разузнаем всё, что нужно.

Чжун Ли окончательно успокоился и уже прикидывал, у кого лучше начать расспросы. Хуа Тянь покосился на Лань Цзыцзюня. Тот всё ещё дулся. Хуа Тянь хоть и злился в душе, но решил пойти на мировую первым:

— Что скажешь, брат Цзыцзюнь?

Чжун Ли и Сяо Цзяньцзянь тут же уставились на Лань Цзыцзюня, затаив дыхание. Под прицелом стольких взглядов продолжать упрямиться было глупо, но гордость не позволяла Цзыцзюню сразу пойти на попятную. Он демонстративно проигнорировал вопрос Хуа Тяня, однако тему поддержал:

— Тот узор, который чертил незнакомец... Это заклятие пленения душ.

Раз уж Цзыцзюнь заговорил, на душе у Хуа Тяня отлегло. Не обращая внимания на его холодный тон, он спросил:

— Заклятие пленения душ? Что это за штука?

Видя, что Хуа Тянь не лезет на рожон, Цзыцзюнь окончательно смягчился и пояснил:

— Оно работает в паре с мешочком удержания душ. Сначала заклятие подавляет волю духа, лишая его сил, а затем тот легко втягивается в мешочек, который убийца прячет в рукаве.

Человек, не сведущий в магии душ, ни за что бы не разобрался в этих тонкостях. Но Лань Цзыцзюнь был мастером своего дела и зрил в самый корень.

— Раз он владеет запретным колдовством, значит, точно убийца! — Чжун Ли так и загорелся, потирая кулаки. — Завтра же повяжу гада и притащу сюда.

Хуа Тянь похлопал его по плечу, охлаждая пыл:

— Не спеши. Без улик ловить некого. Мы пока не можем утверждать, что это именно он.

— Да тут всё и так ясно! — возмутился Чжун Ли. — Кто ещё это может быть, кроме него?!

Видя, как тот надулся и упрямо таращит глаза, Хуа Тянь не удержался от искушения подразнить его:

— А если окажется, что не он? Что тогда?

Чжун Ли попался на крючок мгновенно. Сжав кулаки, он выпалил:

— Если это не он, я говно жрать буду!

Хуа Тянь так и покатился со смеху. Поймав Чжун Ли на слове, он тут же притянул к себе Сяо Цзяньцзяня:

— Слышал, Цзяньцзянь? Запомни хорошенько! Наш грозный судья ада только что поклялся сожрать кучу дерьма, если флейтист окажется невиновным!

Сяо Цзяньцзянь со всей серьезностью закивал.

— Пожалуй, я тоже побуду свидетелем, — вставил Лань Цзыцзюнь с едва заметной усмешкой. Есть нечистоты предстояло не ему, так почему бы не развлечься?

Увидев, что даже Лань Цзыцзюнь ввязался в спор, Чжун Ли приуныл. Но отступить было поздно — гордость не позволяла. Напустив на себя грозный вид, он буркнул:

— Вот и отлично! Завтра сами всё увидите. Я докопаюсь до истины.

— Вся надежда на тебя, — ухмыляясь во весь рот, Хуа Тянь ещё раз хлопнул его по плечу и, утягивая за собой Сяо Цзяньцзяня, весело зашагал в спальню. Настроение у него поднялось до небес.

Провожая его взглядом, Чжун Ли совсем растерялся. Он с надеждой повернулся к Лань Цзыцзюню:

— Господин Лань, ну а вы как думаете? Неужели этот музыкант и правда не при делах?

Лань Цзыцзюнь лишь многозначительно покачал головой и, не проронив ни слова, ушёл к себе. Чжун Ли с понурой головой поплёлся следом. Впрочем, уныние его испарилось так же быстро, как и появилось. Стоило ему залезть под одеяло, как он мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

\*\*\*

На следующее утро они пришли на пристань. С воды доносились уже знакомые, протяжные звуки флейты. Вокруг сновали смуглые, закалённые солнцем и солёным ветром рыбаки, готовящиеся к выходу в открытое море.

— Ну, иди, — Лань Цзыцзюнь подтолкнул локтем Хуа Тяня.

— Давай, господин, вся надежда на тебя, — с фальшивым сочувствием вздохнул Чжун Ли.

Хуа Тянь умоляюще посмотрел на Сяо Цзяньцзяня, но тот лишь испуганно опустил глаза, не зная, куда деться.

— Чжун Ли, ты ведь у нас больше всех жаждал справедливости? — Хуа Тянь вцепился в рукав великого героя. — Пойдём вместе, а? Поддержишь меня.

Чжун Ли в панике уставился на Лань Цзыцзюня, моля о спасении. Цзыцзюнь намёк понял и тут же пришёл на выручку:

— Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай. Нечего наше время тратить, шагай давай.

Хуа Тянь уныло вздохнул, выпустил рукав Чжун Ли и поплёлся к причалу с таким видом, словно его вели на плаху. Тяжело ступая, он приближался к молодому лодочнику, который как раз распутывал сети перед отплытием.

«Язык мой — враг мой, — мысленно сокрушался Хуа Тянь, медленно приближаясь к молодому лодочнику. — Вечно ляпну лишнего, а потом отдувайся»

Нацепив на лицо самую любезную и заискивающую улыбку, на какую только был способен, он тихонько подобрался к парню со спины и осторожно ткнул пальцем ему между лопаток. Лодочник обернулся и сразу узнал вчерашнего наглеца. Решив, что тот явился продолжить ссору, он судорожно принялся развязывать причальный канат, мечтая поскорее убраться подальше от этого ненормального.

— Дружище, стой, не спеши! — Хуа Тянь намертво вцепился в его руку, растягивая губы в улыбке, которая больше походила на предсмертную судорогу.

От этого зрелища у парня окончательно упало сердце. Он взмолился:

— Господин, пощадите! Вы здесь главный, вы! Я просто уйду, ладно? Не трогайте меня!

— Да стой же ты, я не драться пришёл, — заговорил Хуа Тянь самым проникновенным голосом, на какой был способен. — Мне правда нужна твоя помощь.

Лодочник недоверчиво замер, пытаясь разглядеть подвох на лице собеседника. Хуа Тянь решил, что парень наконец растаял, и немного ослабил хватку. Этого мгновения лодочнику хватило с лихвой. Он одним прыжком взлетел на корму своей лодки и, яростно отталкиваясь веслом от причала, крикнул:

— Так я тебе и поверил, чёрт полоумный!

Ах ты ж, паршивец!

Хуа Тянь заметался по мосткам, но лодка уже отошла слишком далеко, руками не достать. Понимая, что упускает единственный зацеп, он полез в широкий рукав, выудил оттуда увесистый серебряный слиток и заорал во всю глотку, размахивая им над водой:

— Ответишь на пару вопросов — и серебро твоё!

Сердце Хуа Тяня обливалось кровью. Это были его последние заначки, отложенные на чёрный день!

Звонкая монета во все времена оставалась лучшим средством убеждения, превосходя по эффективности любые искренние признания. Лодочник так и замер с веслом в руках. На его лице отразилась сложная внутренняя борьба, но в конце концов жадность победила. Расплывшись в широкой улыбке, он заправил вёсла и погнал лодку обратно к мосткам. Схватив серебро и быстро спрятав его за пазуху, он деловито спросил:

— Ну, выкладывай. Что за дело?

«Ишь, шустрый какой, — мысленно проворчал Хуа Тянь. — Схапал деньги и даже не спросил, о чём речь. А если бы я попросил тебя человека прирезать?»

Почувствовав себя полноправным хозяином положения, Хуа Тянь приободрился. Он ткнул пальцем в сторону покачивающейся на волнах лодки и засыпал парня вопросами:

— Вот тот тип с флейтой. Кто он такой? Откуда взялся? И как его угораздило рассудком тронуться?

Мужчина в чёрном сидел на корме точно так же, как и вчера. Лицо его выражало абсолютное, неземное спокойствие; он бережно держал флейту у губ, словно отрешённый от мира небожитель. Глядя на эту мирную картину, Хуа Тянь даже на миг усомнился, действительно ли именно этого человека он видел вчера ночью на кладбище.

Лодочник, аккуратно уложив снасти, не спеша присел на замшелый деревянный кнехт и затянул Хуа Тяня следом за собой. На лице парня отразилось глубокое раздумье.

— Эх, даже не знаю, с чего и начать... — пробормотал он, почёсывая затылок.

— Начинай с любого места, — поторопил его Хуа Тянь, предчувствуя, что история будет долгой и закрученной.

Парень торопиться не собирался. Он помолчал ещё немного, упорядочивая мысли в голове, и наконец заговорил:

— Пожалуй, начну с того дня, когда Сюй Байли только-только приехал в наш Юйяо.

— Сюй Байли? — переспросил Хуа Тянь, сбитый с толку незнакомым именем.

— Ну да, нищий книжник, бедный школяр, — лодочник спохватился, сообразив, что упустил самое главное. — Ах да, я ведь не сказал! Того безумца на лодке зовут Юй Цзыи. А Сюй Байли был его ближайшим другом по академии. Отец этого Юй Цзыи в своё время слыл самым богатым купцом во всём Юйяо. Денег у них было — куры не клюют, сундуки ломились от золота. Десять лет назад имя Поместья Юй гремело по всей династии Сюй. Но одна беда полностью перевернула жизнь этого великого дома.

Лодочник вздохнул и покачал головой:

— Десять лет прошло... А кажется, будто вчера всё было. Время летит — глазом моргнуть не успеешь.

— И что же стряслось? — Хуа Тянь подался вперёд, снедаемый любопытством.

— Всему своё время, не беги впереди паровоза. Давай сначала закончим с Сюй Байли, — парень явно наслаждался ролью рассказчика и умышленно тянул кота за хвост. — Десять лет назад я служил при поместье Юй кучером у старого хозяина и его супруги. И надо же было такому случиться, что я собственными глазами видел первую встречу молодого господина Цзыи и Сюй Байли.

«Вот уж повезло так повезло! — мысленно возликовал Хуа Тянь. — Надо же было наткнуться именно на этого малого!»

— Тогда три дня кряду валил жуткий снегопад, — продолжал лодочник. — На четвёртый наконец развиднелось, выглянуло солнце. Молодой господин Цзыи, истомившись в четырёх стенах, решил со своей свитой выбраться в город. На улицах в тот день было пусто — мало кто отваживался месить грязь после бурана. И ведь надо же было такому случиться... Наш молодой господин всегда терпеть не мог сырость, берёг дорогую обувь, а тут вдруг упёрся: «Выйду, — говорит, — из паланкина, хочу сам по снегу пройтись». И надо же было ему ступить на ту тропу... С этого шага вся беда в Поместье Юй и пришла. Среди сугробов и редких прохожих его взгляд сразу выхватил фигуру, лежавшую на каменных ступенях у обочины. Это был Сюй Байли. Он лежал там и грелся на редком зимнем солнышке. Одежда на нём висела лохмотьями, лицо отливало нездоровой желтизной от долгого голода — с виду сущий оборванец, не лучше нищего с большой дороги. Но в осанке этого паренька сквозило такое упрямое, благородное высокомерие, а закрытые глаза выдавали в нём человека необычной, даже грозной судьбы. И наш молодой господин словно приворожённый двинулся прямо к нему.

Хуа Тянь слушал, затаив дыхание — выходило похлеще уличных сказителей. Всё же один вопрос не давал ему покоя, и он бесцеремонно перебил рассказчика:

— Погоди. Если у этого Сюй Байли было такое благородное лицо и великое предназначение, почему ты зовёшь его проклятием дома Юй?

— Да что ж ты за человек такой нетерпеливый! Дай договорить, — заворчал лодочник,

раздосадованный тем, что его сбили с мысли на самом интересном месте.

<http://bllate.org/book/18412/1796477>